



Портрет Максимилиана Волошина, фрагмент, худ. Б. Кустодиев, 1924

Имя поэта и живописца Максимилиана Волошина навсегда вошло в историю символизма — одного из главных модернистских направлений начала XX века. Без этого уроженца Киева немислим «серебряный век» русской поэзии.

Раннее детство Максимилиан провел в Севастополе и Таганроге, а в 1893 году осел с матерью в Коктебеле на берегу Черного моря. Через несколько лет юноша уехал в Москву и поступил в университет, где проучился всего два

года. В 1899-м Макса исключили за участие в студенческих беспорядках, и бывший студент отправился в путешествие по Европе.

В Париже он знакомится с Хаимом Нахманом Бяликом — будущим классиком новой ивритской литературы. Новый друг читал Волошину свои стихи на иврите и сразу переводил их на французский. Волошин высоко ценил поэтический талант выпускника Воложинской иешивы и даже начал под его влиянием изучать иврит, еврейскую историю и фольклор. Известно, что символист любил беседовать с раввинами, знал хасидские легенды и даже сам их рассказывал. В его доме в Крыму висел приколотый к стене кусок пергамента с текстом молитвы на иврите и переводом на русский язык. Как выяснилось, некий хасид-путешественник провел у Волошина четыре дня и на память оставил этот пергамент — благословение гостеприимному дому.

Многие годы Волошин жил на две страны — Россию и Францию, но в 1916 году окончательно поселяется в Коктебеле.

В годы революционной смуты местная экономика рухнула, и на повестку дня стал вопрос о выживании. «В эти тяжелые и опасные времена единственные люди, пришедшие мне на помощь, — это феодосийские евреи, — пишет Волошин в своем дневнике. — В то время Феодосия была убежищем для ряда еврейских писателей... У евреев был собственный литературный кружок — «Унзер винкль» («Наш уголок»). Ко мне пришли представители этого кружка и сказали: «У вас, верно, сейчас очень трудные дни, наверное, сидите без денег. Хотите, мы устроим для вас литературный вечер?»

Я с радостью согласился. Это было для меня честью, поскольку неевреи в «Унзер винкль» не допускались. Чтения там шли на древнееврейском языке или на жаргоне. И когда я начал читать свое «Видение Иезекииля», то публика поднялась с мест и пропела мне в ответ хором торжественную и унылую песнь на древнееврейском языке. А когда я спросил о значении этой песни, то мне объяснили, что этой песней обычно приветствуют только раввинов, а в моих стихах аудитория услышала подлинный голос древнего иудейского пророка и потому приветствовала как рабби.

Мне рассказала бывшая в толпе Ася Цветаева, что когда я пришел в залу вместе с Майей, то об нас томная еврейка, сидевшая за ее спиной, объясняла своей соседке: «А это наш известный поэт Волошин. И вы знаете — он женат

на княгине Кудашевой...»

Тем временем жизнь продолжалась. В феврале 1920 года Крым подчиняется Правительству Юга России во главе с генералом Врангелем. В ноябре того же года большевики совместно с анархистами Нестора Махно прорывают оборону Врангеля и вторгаются на полуостров. Война еще идет, но красные заметно сильнее. 146 000 человек бегут из Крыма в Константинополь, а 16-го ноября эвакуируются последние сторонники Врангеля, включая самого генерала. Прежнюю власть сменяет большевистский Ревком, во главе которого стоит еврей Бела Кун. Настоящая фамилия этого уроженца Трансильвании — Коэн, он изучал юриспруденцию в университете Колошвара (ныне — Клуж), где и стал Куном на венгерский манер. Несколько лет работал журналистом, вступил в Социал-демократическую партию Венгрии, сидел в тюрьме за призывы к забастовке. В 1914 году был мобилизован в Австро-Венгерскую армию, оказался в российском плену, где увлекся большевистскими идеями. После Февральской революции перебрался в Петроград, познакомился с Лениным, принял участие в октябрьском перевороте, а вернувшись в Будапешт, провозгласил Венгерскую Советскую Республику. Несмотря на «красный террор», республика продержалась всего 133 дня, а Кун бежал в Советскую Россию и вскоре был назначен «главным» по Крыму.

Трудился Кун не один — в помощь ему придали Розалию Землячку (урожденную Залкинд), дочь купца, выпускницу Киевской женской гимназии и Лионского университета, члена РСДРП с 1896 года. Для очищения Крыма от контрреволюционного элемента эта пара применяла одно универсальное средство: расстрелы. Потекли реки крови. Вот как описывает события тех дней русский писатель и публицист Роман Гуль:

Под угрозой расстрела Кун приказал всем военным служащим и военнообязанным явиться на регистрацию. Эта регистрация по его плану была регистрацией смерти. По составленным полным спискам, оказаться в которых спешили все под страхом смерти, Бела Кун начал вести расстрелы.

Бойня шла месяцами. За неделю только в Севастополе Бела Кун расстрелял более 8000 человек, а такие расстрелы шли по всему Крыму, пулеметы работали день и ночь.

По официальным коммунистическим данным, Бела Кун с Землячкой расстреляли в Крыму до 50 000 человек, причем столь обильную жатву чекистского бешенства остроумный Бела Кун в печати весело мотивировал

тем, что «товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется на полуострове».



Дом поэта в Коктебеле

Трагизм ситуации усугублялся для Волошина тем, что именно в его достаточно просторном и гостеприимном доме остановился Бела Кун. Поэт по натуре был гуманистом и спасал красных от белых и белых от красных — в его доме была ниша, в которой он прятал людей. Трудно даже представить, какие отношения могли сложиться у Волошина с Куном — людей с разных планет, орбиты которых неожиданно пересеклись. Обратимся опять к свидетельству Гуля — вот что запомнилось ему, секретарю редакции берлинского журнала «Новая русская книга»:

Был январь 1923 года. Во второй половине дня в дверь редакции позвонили. Я отворил. Передо мной — скромно одетая женщина с удивительно приятным, строгим лицом. Она спросила, здесь ли профессор Яценко? — «Да, пожалуйста».

В руках у нее — кожаный портфель. Глядя на Яценко, она сказала негромким грудным голосом: «Я к вам от Максимилиана Александровича Волошина». От неожиданности тот удивленно-вопросительно полувскрикнул: «От Макса?!» — «Да, от Максимилиана Александровича. Я была у него в Коктебеле. И он

просил меня передать вам письмо и рукопись в собственные руки».

Женщина вынула из портфеля тетрадку и довольно толстую рукопись на отдельных листах. «В тетради — личное письмо вам, а это — стихи Максимилиана Александровича, которые он просил вас опубликовать за границей, где вы найдете возможным».

Яценко погрузился в чтение письма, оно было страниц в сорок-пятьдесят, ...но вскоре читать спокойно он уже не мог, и то и дело восклицал: «Ужас!.. Черт знает что!..» И вдруг, прервав чтение, сказал: «Роман Борисович, это что-то невероятное, я прочту вам...» И стал читать письмо вслух. Волошин описывал свою жизнь в Коктебеле, во время гражданской войны и после нее, когда в Коктебель приехал «очищать Крым» важный посланец Кремля Бела Кун, поселившийся в доме у Волошина....

...Макс Волошин необычайно сильно описывал эти кровавые дни. Поэт писал, что он и день и ночь молился за убиваемых и убивающих. Он писал, что они много и долго разговаривали с Бела Куном и у них установились какие-то «дружеские» отношения. Чем Волошин покорила Бела Куна? Вероятно, душевной чистотой. По письму, Бела Кун сошелся с ним настолько, что разрешил Волошину из «проскрипционных списков» вычеркивать одного из десяти. Волошин описывал, каким мучением для него было это вычеркивание «десятого», ибо он знал, что девять будут зверски убиты. Однажды в этих списках он нашел и свое имя, хотя ему и не надо было регистрироваться как человеку штатскому. Но его вычеркнул сам страшный новый друг — Бела Кун...



Бела Кун в 1920-м году



Розалия Землячка (Залкинд)

Упомянутый здесь профессор Александр Семенович Яценко — писатель, ученый и общественный деятель, один из первых «невозвращенцев», издававший в Германии журнал «Новая русская книга». «Стихи о терроре», переданные одновременно с письмом Волошина, Яценко опубликовал в очередном номере НРК за февраль 1923 года, позднее они вышли отдельной книгой в том же Берлине.

Как сложились судьбы людей, с которыми довелось встретиться поэту? Бялик в 1924 году переехал в Тель-Авив, где быстро приобрел славу национального поэта Израиля. Его произведения изучают сегодня в школах, поэмы переведены на более чем 30 языков, а в каждом значительном израильском городе есть улица его имени.

Белу Куна после зачистки Крыма отправили в 1921 году в Германию, как «эффективного менеджера» по организации революций. Однако вооруженное «мартовское восстание» в Средней Германии провалилось, и Кун продолжил работу на высших должностях в Коминтерне. Когда в партии начались чистки, он сначала потерял все посты, в 1937 году был арестован, а в 1938-м расстрелян, разделив судьбу своих жертв.



Жертвы «красного террора»

Розалия Землячка была избрана членом ЦК, занимала должность заместителя председателя Совнаркома. Пережила все репрессии старых партийных кадров и тихо скончалась в 1947-м, удостоившись погребения в Кремлевской стене.

Волошин так и остался в Крыму, получив от Советов нечто вроде охранной грамоты, возможно, благодаря своему «квартиранту» Беле Куну. В 1924-м с одобрения Наркомпроса поэт превратил свой особняк в бесплатный дом творчества. Здесь бывали Корней Чуковский, Осип Мандельштам, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Владислав Ходасевич, художники Борис Кустодиев, Петр Кончаловский, Александр Бенуа...

Здесь же, в Коктебеле, 11 августа 1932 года поэт скончался после приступа астмы.

Чужим среди своих символист Волошин оставался и после смерти — с 1928 по 1961 год в СССР не было издано ни одной его строчки, а когда Эренбург почтительно упомянул о поэте, то был одернут официозным критиком: «Волошин был одним из самых незначительных декадентов, к революции он... отнесся отрицательно». Насчет значительности и декадентства — простим партийному литератору советские ярлыки, но в отношении Волошина к революции — он прав... Да и откуда было взяться восхищению новым строем после того, что сотворил его постоялец, железной рукой загонявший мир к счастью...

Вениамин Чернухин, специально для «Хадашот»